

Лев Николаевич Толстой

Письма

(1907)

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Т52

Т52 **Толстой Л.Н.**
Письма: (1907) / Лев Николаевич Толстой – М.: Книга по Требованию, 2012. –
372 с.

ISBN 978-5-4241-0758-0

ISBN 978-5-4241-0758-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Толстой очень чутко реагировал на изменения, происходившие в общественно-политической жизни России. В. Короленко тонко и верно заметил, что «способность заражаться народными настроениями определяла крупнейшие повороты во взглядах самого Толстого». Говоря о настроениях Толстого в преддверии первой русской революции, Короленко писал: «Теперь, когда в России происходили события, выдвигавшие предчувствие непосредственных массовых настроений, мне было чрезвычайно интересно подметить и новые уклоны в этой великой душе, тоскующей о правде жизни. В нем несомненно зарождалось опять новое... Русская интеллигенция, по большей части люди, которым уже самое образование давало привилегированное положение, как ослепленный филистимлянами Самсон, сотрясали здание, которое должно было обрушиться и на их головы. В этой борьбе проявилось много настроений, и оно в свою очередь начинало заражать Толстого. Чехов и Елпатьевский рассказывали мне, что когда ему передали о последнем покушении на Лауница, ¹ то он сделал нетерпеливое движение и сказал с досадой:

— И наверное опять промахнулся». ²

В данном случае важно не отношение Толстого к террору, этому чуждому подлинно революционной борьбе методу, а самая реакция писателя на политические события, которые, казалось бы, совершенно противоположны основам его мировоззрения. Любопытен и следующий эпизод. Когда Короленко рассказал Толстому о «грабжке», то есть о захвате крестьянами имущества помещиков. Толстой сказал с одобрением:

«— И молодцы!..

Я спросил:

— С какой же точки зрения вы считаете это правильным, Лев Николаевич?

— Мужик берется прямо за то, что для него всего важнее. А вы разве думаете иначе?» ³

¹ Короленко имеет в виду неудачное покушение на фон дер Лауница В. Ф. (тамбовского губернатора, ставшего впоследствии петербургским градоначальником) в 1902 г.

² «Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. II, Гослитиздат, 1955, стр. 152, 153.

³ Там же, стр. 154.

Хотя революция 1905—1907 гг. не произвела коренных перемен в мировоззрении Толстого, тем не менее можно с полным основанием констатировать глубокое обострение противоречий писателя. В дневниковых записях этих лет Толстой иногда был готов признать, несмотря на свое отрицание всякого насилия, что правота в схватке революционеров и правительства была все же на стороне революционеров. Но тут же снова возвращался к проповеди морали «всеобщей любви», которая должна перевоспитать самих угнетателей.

В 1907—1910 гг., в период, к которому относятся собранные в 77—82 томах письма, противоречия Толстого достигли наибольшей остроты. Это объясняется условиями русской жизни этих лет. Поражение первой русской революции привело к дикому разгулу реакции, к жесточайшей расправе не только с революционерами, но и со всеми, кто имел мужество протестовать против произвола царского правительства. Пресловутая столыпинская «реформа», усилившая разорение крестьян и рост кулачества, явилась контрреволюционной попыткой подавления демократического движения в стране, не достигшей своей цели. В России не прекращался рост стихийного крестьянского движения. В 1907—1913 гг. в различных концах России произошло свыше 20 тысяч крестьянских волнений. В 1907—1908 гг. только из шести губерний были высланы более 3200 крестьян, обвиненных в выступлениях против столыпинских законов. Массовый террор, многообразные проявления реакции, дальнейшее обнищание масс — все это вызывало у Толстого тяжелые переживания, мучительные раздумья. У Толстого, наряду с прежними устойчивыми стремлениями пропагандировать свое религиозно-нравственное учение, появились и горькие сомнения. В его Дневниках все чаще стали появляться трагические признания: «Как тщетны все убеждения о лучшем устройстве всякого рода политиков, социалистов, революционеров, так тщетны и мои»; ¹ «страшно сказать, но что же делать, если это так, а именно, что со всем желанием жить только для души, для бога, перед многими и многими вопросами остаешься в сомнениях, нерешительности». ² Моральная проповедь временами делается постылой. В марте 1910 г.

¹ Т. 55, стр. 286.

² Т. 58, стр. 65.

он записывает: «...вообще вся эта работа «На каждый день» становится тяжела мне. Какой-то педантизм, догматизм». ¹ Наблюдая страшную картину «безумия жизни» в период столыпинщины, Толстой был вынужден, вопреки своему принципу отрицания революционного насилия, сделать вывод: «Мучительное чувство бедности, — не бедности, а унижения, забитости народа. Простительна жестокость и безумие революционеров». ² Он полон предчувствием того, что «Россия накануне огромного переворота, в котором Государственная дума не будет играть никакой роли». Отступая от своей теории «непротивления» и впадая в новые противоречия, он заявляет, что для борьбы с русским правительством может быть только один из двух путей: «или бомба, или любовь».

В 1909 г. Толстой записал в своем Дневнике: «Главное же в чем я ошибся, то, что любовь делает свое дело и теперь в России с казнями, виселицами и пр.». ³ С наибольшей остротой сомнения Толстого в истинности своего учения выражены в его заключении о том, что «исполнение вечного закона, не допускающего насилия», могло бы привести к таким ужасным последствиям, как, например, «рабство под игом японца или немца». ⁴

В 1907—1910 гг. Толстой выступал преимущественно с публицистическими статьями. В них он продолжал обличать царское правительство и помещиков, с ненавистью говорил о правящей верхушке, которая не гнушалась никакими средствами для достижения своих целей. Подлинно мировой резонанс приобрела знаменитая статья Толстого «Не могу молчать» (1908), протестовавшая против политики террора, проводившейся, как писал Толстой, всем правительственным аппаратом, «от секретарей суда до главного министра и царя». Но в этой же статье, проникнутой ненавистью к угнетателям народа, содержались вместе с тем и увещания, обращенные к виновникам народных страданий. ⁵

Среди политических вопросов, особенно интересовавших Толстого в 1907—1910 гг., первое место занимает земельный вопрос.

Эта особенность взглядов Толстого восходит к его давнему убеждению, провозглашенному еще в 60-е годы: «Смотреть с точки

¹ Т. 58, стр. 26.

² Т. 57, стр. 82.

³ Там же, стр. 200.

⁴ Т. 58, стр. 7.

⁵ Подробнее о статье «Не могу молчать» см. в предисловии к т. 37.

зрения мужика». Такому девизу он всегда стремился оставаться верным. «Я смотрю снизу, от 100 миллионов», — заявил он в 1901 г. в одном из своих писем. Толстовский взгляд «снизу» действительно соответствовал взгляду дореволюционного крестьянина не только в основном, но и в деталях, — во всем, что было связано со стремлением ликвидировать «вековую несправедливость», «великий грех частной поземельной собственности». С возмущением писал Толстой о земельном рабстве, о том, что «основное зло, от которого страдает русский народ, точно так же как народы Европы и Америки, есть лишение большинства народа несомненного, естественного права каждого человека пользоваться частью той земли, на которой он родился», что для русского крестьянина вопрос «только в том, как не умереть с семьей от голода», ибо у него нет земли, и что в России всячески стараются «разными заплатами, паллиативами замазать, замаять, обойти эту главную, стоящую на очереди уничтожения не только в России, но и во всем мире, старую, жестокую, очевидную, вопиющую несправедливость». ¹ О людях, которые, владея «сотнями, тысячами, десятками тысяч десятин, торгуя землями», живут «роскошно благодаря задавленности народа», Толстой отзывался со страстной ненавистью безземельного, нищего крестьянина. «Земельный вопрос, — утверждал он, — дошел в настоящее время до такой степени зрелости, до которой дошел вопрос крепостного права 50 лет тому назад». ² Все средства «смягчить зло», которые дебатировались в печати и Думе, — путем выкупа через банки и т. д. — Толстой категорически отвергал, требуя полной передачи земли народу. Подобно наивному патриархальному крестьянину, он измерял всякие политические преобразования единственным критерием: чьей собственностью является земля и отвергал буржуазную демократизацию государственного строя потому, что «в самых свободных землях Европы и Америки... земля продолжает быть собственностью богачей». ³

Революция 1905—1907 гг. доказала на множестве примеров, что идеи Толстого, своеобразие сильных и слабых сторон его взглядов были свойственны значительным слоям трудового крестьянства. С наибольшей яркостью это может быть проде-

¹ Т. 36, стр. 219.

² Там же, стр. 229.

³ Там же, стр. 259.

монстрировано на выступлениях депутатов-крестьян в Государственной думе. Депутаты-крестьяне в своих речах выражали веками накопленную ненависть к помещикам, стремление до основания уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать государство свободных и равноправных крестьян. И в то же время речи депутатов отличались прямо-таки толстовской политической наивностью, бессознательностью, свойственной патриархальной деревне мягкотелостью, непониманием путей борьбы за действительное освобождение. Многие из этих речей настолько напоминают соответствующие места из художественных и публицистических сочинений Толстого, что кажутся иногда прямым их пересказом.

Земельный вопрос был связан в сознании Толстого с отрицанием всей существовавшей политической системы. В самом подходе Толстого к этой проблеме сказались сильные и слабые стороны его мировоззрения. Слабые стороны эти выразились, в частности, в том, что Толстой на протяжении ряда лет пытался оказать давление на правительство, с тем чтобы земельный и другие острейшие политические вопросы были решены мирным путем. Одна из таких попыток была предпринята Толстым в 1902 г., когда он написал Николаю II письмо, переданное ему через великого князя Николая Михайловича Романова. В своем письме Толстой убеждал царя в том, что главное требование народа заключается в том, что народ желает «избавиться от тех исключительных законов, которые ставят его в положение пария, не пользующегося правами всех остальных граждан», «что он хочет свободы передвижения, свободы обучения и свободы исповедания веры, свойственной его духовным потребностям; и, главное, весь стомиллионный народ в один голос скажет, что он желает свободы пользования землей, т. е. уничтожения права земельной собственности».

«И вот это-то уничтожение права земельной собственности и есть, по моему мнению, — утверждал Толстой, — та ближайшая цель, достижение которой должно сделать в наше время своей задачей русское правительство».¹

Разумеется, никакого результата письмо Толстого к Николаю II не дало.

¹ Т. 73, стр. 188—189.

Основным методом решения земельного вопроса Толстой считал метод, предложенный американским публицистом и мелкобуржуазным экономистом Генри Джорджем. В своих работах «Прогресс и бедность», «Великая общественная реформа», «Налог с ценностей земель», «Что такое единый налог и почему мы его добиваемся» Генри Джордж утверждал, что главной причиной разделения людей на богатых и бедных является экспроприация земли у народа. Отсюда Генри Джордж делал абсолютно неправильный вывод о том, что не пролетарская революция и национализация всех средств производства, а национализация земли буржуазным государством или высокий государственный налог на частную земельную собственность могут положить конец обнищанию масс в буржуазном обществе.

Толстой был горячим пропагандистом теории Г. Джорджа на русской почве.

На деле же теория Г. Джорджа и проекты Толстого являются абсолютно утопическими. Еще Маркс, характеризуя Г. Джорджа и ему подобных «социалистов», писал, что утверждения их о том, будто бы с превращением земельной ренты в государственный налог все беды капиталистического производства должны исчезнуть, есть «не что иное, как скрытая под маской социализма попытка спасти господство капиталистов и фактически заново укрепить его на более широком, чем теперь, основании». ¹ Ленин указывал, что типичной ошибкой Джорджа и других буржуазных национализаторов земли является «смещение частной собственности на землю с господством капитала в земледелии». ² Но следует заметить, что самая идея национализации земли в буржуазном обществе, хотя и не могущая избавить трудящихся от нищеты и разорения, является прогрессивной. Характерно, что пропаганда Толстым решения земельного вопроса по Генри Джорджу отражала иллюзии мелкого крестьянства и находила сторонников в народе. Так, например, крестьянин Кропотов, выступая в III Государственной думе по аграрному вопросу, сказал: «Чтобы быть справедливым, нужно обложить единственным (то есть единым. — Б. М.) налогом землю, и тогда она окажется у трудя-

¹ Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 140.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 13, стр. 367.

щихся масс, и тогда будет не завидно: кто не хочет работать, тот не будет платить».

Комментируя это выступление в статье «Аграрные прения в III Думе» (1908), Ленин писал:

«Сколько неиспытанных еще в борьбе сил, сколько стремления к борьбе в этой наивной речи! Желая избежать «принудительного отчуждения», Кропотков *на деле* предлагает меру, которая равняется *конфискации* помещичьих земель и национализации *всей* земли! Что «единственный налог» этого сторонника учений Джорджа равносителен национализации *всей* земли, этого Кропотков не понимает, но что он передает действительные стремления *миллионов*, — в этом не может быть и тени сомнения».¹

Несмотря на безрезультатность письма Толстого к Николаю II, он в 1907 г. обратился — на этот раз не к царю, а к председателю Совета министров П. А. Столыпину — с письмом, в котором опять пытался уговорить царское правительство осуществить земельную реформу. Само обращение с предложением о национализации земли к Столыпину, который в это время был занят насаждением своей реакционной «реформы», было, разумеется, наивным. Толстой очень энергично пытался оказать давление на Столыпина, в частности через брата министра, журналиста, сотрудника «Нового времени» А. А. Столыпина. Результатом было только то, что А. А. Столыпин передал Толстому записочку своего сановного брата следующего содержания:

«Если будешь отвечать Л. Н. Толстому, напиши ему, пожалуйста, что я не невежа, что я не хотел наскоро отвечать на его письмо, которое меня, конечно, заинтересовало и взволновало, и что я напишу ему, когда мне станет физически возможно сделать это продуманно».

В сопроводительном письме А. А. Столыпин сообщал, что его брат «не удосужился еще ответить» и хотя он утверждал, что не берет на себя ответственность говорить за брата, но на самом деле изложил в своем письме именно те «идеи», которые были присущи Столыпину и которые он, вероятно, и велел передать писателю.

«Я думаю, — писал А. А. Столыпин, — что вы ошибочно приписываете людям душевный строй, подобный вашему. Подумайте, из чего только не сложился этот ваш душевный строй,

¹ В. И. Ленин, Сочинения, т. 15, стр. 285.

и есть ли вероятие искать подобные слагаемые в толпе людей, хотя бы составленной из многих миллионов». С откровенным цинизмом он далее утверждал:

«Ближе к жизни маленькая хитрость дикаря: «Объявим, что земля — божия, а между собою мы всегда поделить ее сумеем... вообще, видно будет...» Слово «дикарь» я не говорю в осуждение: из дикаря может выйти апостол, но из свойств дикаря не следует выбирать одно отрицательное свойство (жадность), чтобы его поощрять в голом виде. Но жадность неискоренима, она живет во всех, оттого задачей совершенствования должна быть такая цель: облагородить жадность. Я думаю, что в детской России должны принести пользу простые педагогические приемы: «Раньше, чем зариться на чужое добро, приведи свое добро в порядок, — увидишь, как хорошо будет».

А затем А. А. Столыпин развивал ту, прикрытую липемерными фразами, «философию» кулачества, которой была пропизана «реформа» его брата: «Вы знаете, как дети любят собственность, — какая радость первой *своей* лошади, *своей* собаки. Такая же трепетная радость у народа может быть только по отношению к своей собственной земле, на которой стоит свой дом, которая отгорожена своим частоколом. Единый налог земля может выдерживать только при очень высокой культуре, а к этой культуре еще нужно подвести народ через длинную эпоху собственности...»

Любить каждый комочек, копать, дробить, поливать, выдерживать сорную былинку, окапывать деревцо, любоваться утром на облюбованные вчера вечером всходы, ведь для этого необходимо, чтобы человек обманывался мыслью, что он — владелец этого рая, а после него — его дети и внуки». ¹

Впоследствии Толстой сам признал наивность своих попыток уговорить царя и Столыпина провести национализацию земли. А в 1909 г. он начал писать П. А. Столыпину оставшееся незаконченным письмо, в котором решительно осуждает его мероприятия по проведению аграрных законов и пытается разъяснить ему всю ошибочность, неразумность его поведения.

«Пишу вам об очень жалком человеке, самом жалком из всех, кого я знаю теперь в России, — так начал Толстой свое

¹ Письма А. А. Столыпина Толстому опубликованы в «Литературном наследстве», т. 37-38, стр. 325—328.

письмо. — Человека этого вы знаете и, странно сказать, любите его, но не понимаете всей степени его несчастья и не жалеете его, как того заслуживает его положение. Человек этот — вы сами». Толстой, пытаясь выдержать тон письма в духе своей морали всеобщей любви и употребляя даже такие выражения, как «брат по человечеству», переходит, однако, к прямому обличению. Толстой признает, что он давно хотел писать Столыпину. «Но я не успел окончить письма, — продолжал Толстой далее, — как деятельность ваша всё более и более дурная, преступная, всё более и более мешала мне окончить с непритворной любовью начатое к вам письмо. Не могу понять того ослепления, при котором вы можете продолжать вашу ужасную деятельность — деятельность, угрожающую вашему материальному благу (потому что вас каждую минуту хотят и могут убить), губящую ваше доброе имя, потому что уже по теперешней вашей деятельности вы уже заслужили ту ужасную славу, при которой всегда, покуда будет история, имя ваше будет повторяться как образец грубости, жестокости и лжи. Губит же, главное, ваша деятельность, что важнее всего, вашу душу».

При этом Толстой не отвергает мысли о возможном изменении столыпинской политики. «Ведь еще можно бы было, — говорит он, — употреблять насилие, как это и делается всегда, во имя какой-нибудь цели, дающей благо большому количеству людей, умиротворяя их или изменяя к лучшему устройство их жизни, вы же не делаете ни того, ни другого, а прямо обратное. Вместо умиротворения вы до последней степени напряжения доводите раздражение и озлобление людей всеми этими ужасами произвола, казней, тюрем, ссылок и всякого рода запрещений и не только не вводите какое-либо такое новое устройство, которое могло бы улучшить общее состояние людей, но вводите в одном, в самом важном вопросе жизни людей — в отношении их к земле — самое грубое, нелепое утверждение того, зло чего уже чувствуется всем миром и которое неизбежно должно быть разрушено — земельная собственность». В этом же письме Толстой высказывает свое резко отрицательное отношение к столыпинской аграрной политике, смысл которой был им проникательно разгадан: «Ведь то, что делается теперь с этим нелепым законом 9-го ноября, имеющим целью оправдание земельной собственности и не имеющим за себя никакого разумного довода, как только это самое суще-

ствуется в Европе (пора бы нам уж думать своим умом) — ведь то, что делается теперь с законом 9-го ноября, подобно мерам, которые бы принимались правительством в 50-х годах не для уничтожения крепостного права, а для утверждения его».

Характерно, что в тот же день, когда Толстой начал писать это письмо, он в разговоре с собеседником у себя дома заметил, что «ему непонятно, как можно серьезно обращаться к царю или Столышину».

Защита права крестьян на землю, пропаганда идеи национализации земли, обличение столыпинской аграрной политики является содержанием ряда писем Толстого, включенных в 77—82 томы. В письме к Т. Л. Сухотиной от 6—7 ноября 1909 г. Толстой признавался, что земельный вопрос мучает его даже во сне. А по адресу руководителей правительства он утверждал, что эти люди стоят «на самой низкой и нравственной и умственной ступени» и что «теперь, после победы над революцией, ставшие особенно самоуверенными и дерзкими», хотят «привести русский народ в ужасное, безнравственное и губительное состояние».¹ Страстность пропагандиста, защитника чаяний крестьянства, сквозит и в следующих строках этого письма: «Если бы наше правительство было бы не совсем чуждое народу, жестокое и грубое и глупое учреждение, оно бы поняло не только ту великую роль, которую предстоит ему осуществить, оформив их великие, передовые идеалы народа, но поняло бы и то, что то успокоение, умиротворение народа, которого оно добивается теперь неслыханными со времен Иоанна Грозного казнями и всякого рода ужасами, могло бы быть наверное достигнуто только одним: осуществлением общего, народного идеала: освобождения земли от права собственности». Но, как и в других письмах и статьях, Толстой глубоко ошибался, считая возможным исправление «векового греха» земельной собственности путем мирной реформы. «Только объяви манифест, — пишет он далее, — как тогда, при освобождении крепостных, о том, что правительство занято освобождением от земельного рабства, и народ лучше всех стражей охранит правительство, которое он тогда признает своим».

Толстой всячески поддерживал протест против правительства и крепостников, исходивший из самых различных кру-

¹ Т. 80, стр. 478.